

системы обесцвечивали реальную жизнь, подчиняли ее неисходной службе чужим интересам во имя безжизненной, надуманной стихии. И, конечно, книга вызывала протест.

Протест против «святой» книги был не только со стороны масс эксплуатируемых трудников, производителей, но и со стороны господ, приступивших к феодализации родовых обществ. Представители этого класса хищных потребителей сами еще не оторвались от родового быта и его культуры. В большинстве они сами еще не вполне освоились и были внутренне несогласны с новинками заграничной магии, хотя и верили в ее могущество. Вслед за Н. К. Никольским, еще раз стоит вспомнить, как Владимир Святославич упирался против соблазнительной казуистики греческого миссионера, недоуменно спрашивая его, как это «спасение» может прийти через воду (крещение), дерево (крест) и женщину (богородицу). Очевидно, летописец XI—XII в. сам еще не преодолел это недоумение. Известно, как игумен Феодосий, святой из святых, придя незванным гостем к Святославу, князю из князей, с сокрушением увидел его пировавшим среди скоморохов, поющих веселые песни и пляшущих, несмотря на все запреты святых писаний. Наиболее послушный ученик новой веры, подражатель ее книгам, Владимир Мономах сожалел о том, что, не попав на свадьбу своего сына, не слышал свадебных песен. Судя хотя бы по свадебным обрядам «безбожность» феодальной знати доходит до позднего времени, как о том свидетельствуют записи XVI—XVII в.

Воинствующие феодалы первых времен плохо осваивали «святую» книгу, редко употребляли ее своеручно, как орудие воздействия. Такие писатели, как Мономах, грецизированный новой жреческой кастой, были редким явлением. Хотя вторая часть его «поучения», практическая, и опровергает первую, написанную в стиле sentimentalного христианства, все же этот бродячий вояка пытался воздействовать книгой. Большинство же представителей военного слоя феодалов предпочитали действовать прямо оружием. Вспомним, например, летописный анекдот о религиозном прении князя Глеба с финским волхвом, словесную проповедь которого князь прекратил топором, заранее спрятым в плаще. Военный феодал уничтожил финскую магию не книгой-магией, а ударом.

Если военный феодал и усваивал книгу, то все же чуждался ее «святого» жанра. Он или усваивал заграничный жанр несвятой книги или создавал его сам, в лучшем случае лишь метафорически играя образами